

УДК 299.18(045)

*Н.А. Кутявин***НЕОЯЗЫЧЕСТВО В ПРАВОСЛАВНОМ ЗЕРКАЛЕ**

Статья представляет рецензию на книгу М. Н. Кузнецова, посвящённую истории и идеологии движения русских неоязычников — «родноверов». При анализе работы уделено внимание её полемической направленности и возможному влиянию конфессиональной и политической принадлежности автора на результаты его исследования. Исходя из содержания книги, сделаны выводы о предполагаемой читательской аудитории книги, основу которой могут составить русские националисты. Методология автора обнаруживает явную принадлежность книги к националистическому дискурсу и влиянию примордиалистской теории этноса Л. Н. Гумилева и его последователя В. Л. Махнач в особенности их концепции «антисистемы». Несмотря на множество справедливых умозаключений, автор книги оставляет без внимания связь между современным неоязычеством и православным национализмом, поскольку стремится обосновать право православных националистов на единоличное отстаивание общих для праворадикального дискурса ценностей.

Ключевые слова: неоязычество, национализм, традиционализм, конфессиональное религиоведение, инструментализация истории.

«Два желания, сталкиваясь на одном объекте, делаются друг для друга преградой. Всякий *мимесис*, направленный на желание, автоматически приводит к конфликту. Люди всегда более или менее слепы к этой причине соперничества. «То же», «похожее» в человеческих отношениях связано с идеей гармонии: у нас те же вкусы, мы любим одно и то же, мы созданы друг для друга. А что случилось бы, если бы у нас действительно были *одни и те же желания?*»

Р. Жирар

Феномен русского неоязычества, или «родноверия», не обделён исследовательским вниманием. Академическое сообщество не раз критиковало представителей этого религиозного и политического направления за популяризацию подложных источников, таких, как «Влесова книга», активную инструментализацию истории и её искажение, распространение псевдонаучных расистских взглядов и многое другое. В то же время появились учёные, которых всерьёз заинтересовало, что из себя представляет русское неоязычество. Исследования, существующие на сегодняшний день, варьируются от научной и политической критики до подробного анализа трудов «родноверческих» идеологов, проведения социологических опросов и использования включённого наблюдения на мероприятиях. Тем не менее, в силу господствующего методологического и теоретического плюрализма, обилие научных публикаций не приводит к созданию единой непротиворечивой картины. Сообщество учёных, занимающихся русским неоязычеством, дробится на несколько групп, представители которых периодически делают критические выпады в адрес друг друга. Но есть группа исследователей, которую все остальные подчас игнорируют, — речь о так называемых «конфессиональных религиоведах». Эта рецензия ставит своей целью продемонстрировать, сколь ценным источником для понимания неоязычества могут служить труды такого рода авторов.

Книга, о которой пойдёт речь в рецензии, вполне вписывается в рамки указанного направления. Его представители — это авторы религиоведческих трудов, открыто исповедующих ту или иную религию и столь же открыто отстаивающих её истинность в полемическом ключе. Далеко не всегда это дилетанты. Часто это люди с высшим гуманитарным образованием, религиоведческим, историческим или теологическим, иногда — обладатели научных степеней. Соответственно и качество их работ очень разное. Проблема русского «родноверия», по понятным причинам, в первую очередь вошла в орбиту интересов православных исследователей религий. Среди них можно назвать этнографа Г. Н. Базлова, историка и исследователя сект А. Л. Дворкина, священника Г. Максимова, иеромонаха В. Уткина, сотрудников «Цента религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского» и

православного миссионерского и апологетического центра «Ставрогос». Книга сотрудника миссионерского отдела Рязанской епархии М. Н. Кузнецова, вышедшая в 2018 году, — продолжение этого критического направления. Её автор, выпускник Высших богословских курсов при МДА, как свидетельствует информация на обложке, занимается исследованием неоязычества уже более 7 лет и посвятил ему более трёх десятков публикаций в интернете, на различных сайтах православной и патриотической направленности. Также на обложке присутствуют положительные характеристики книги от канд. ист. наук М. Б. Смолина и председателя миссионерского отдела Рязанской епархии протоиерея А. Вилкова, порекомендовавшего это издание в качестве «справочного пособия для всех, кто интересуется данной проблематикой». Интересно, что книгу не обошли стороной и православные СМИ, в частности телеканал «Союз», на котором ей посвятили выпуск передачи «У книжной полки». Это значит, что данная книга может значительно влиять на широкий круг православных читателей, что лишним раз подчёркивает необходимость обратить на неё внимание.

Небольшая по объёму, она состоит из предисловия, пяти очень различающихся по размеру глав, заключения и списка рекомендованной литературы. В Предисловии автор обозначил неоязычество как новое религиозное движение, представители которого «своим основным врагом... видят православное христианство» [4, с. 4]. Далее следует краткое описание деятельности «родноверов»: их участие в террористических актах против христиан, в военных конфликтах на постсоветском пространстве, проникновение в армию и спецслужбы. Тревогу исследователя вызывает и сотрудничество неоязычников с атеистами. В основе русского неоязычества, считает М. Н. Кузнецов, лежит ряд псевдонаучных мифов. Он делит их на 5 групп: исторические, лингвистические, мифы о православии, мифы о язычестве и спекуляции на национальном вопросе. В конце предисловия представлено краткое введение в историографию, где одной из лучших работ М. Н. Кузнецов называет брошюру иерея Г. Максимова «Православие и неоязычество: где правда?», что во многом объясняет направленность книги на критику «мифов» и наличие пространных цитат из работы священника. Собственно, мифам, представленным в классификации, полностью посвящена пятая, самая большая глава, занимающая более двух третей книги. В первой главе автор кратко излагает православный взгляд на язычество и неоязычество, констатируя также, что между ними существует исторический разрыв и о преемственности говорить не приходится. Во второй главе описывается история русского неоязычества, начиная с интереса интеллектуалов к славянским древностям в XVIII в. и заканчивая становлением современного нативистского интернационала. Третья глава содержит классификацию неоязыческих движений в России, которые делятся на авторские культы («инглинги», «анастасиевцы»), объединения «родноверов-реконструкторов», претендующих на аутентичность, международные организации («Нью Эйдж» и «Викка») и различные связанные с неоязычеством маркетинговые проекты: целительство, курсы личностного роста, клубы единоборств.

Человеку, имеющему представление о том, как много всего уже было написано на тему неоязычества, по прочтении данного выше краткого содержания книги может показаться странным столь пристальное к ней внимание. Действительно, проблемы истории неоязычества, классификации принадлежащих этому направлению организаций, критика исторических и лингвистических мифов уже многократно были представлены в печатном виде и в более пространной форме, чем в работе М. Н. Кузнецова. Но это впечатление во многом обманчиво. Начать стоит с четвёртой главы, которая поднимает действительно серьёзный вопрос: в чём причины распространения неоязыческих идей в обществе? Он выделяет две основные причины. Во-первых, постсоветский человек ищет духовности, но, будучи предвзятым в отношении православия, он уходит в оккультизм и иррационализм. Во-вторых, вслед за историком В. Д. Соловьёвым, М. Н. Кузнецов считает, что в пост-идеологическую эпоху на смену мировоззренческим системам приходят имиджи: медийные образы, символы, лозунги, истории [4, с. 38]. И здесь мысли автора о причинах останавливаются и переходят совсем в другую сферу: к размышлениям о том, какими путями эти имиджи доходят до адресатов. У внимательного читателя может возникнуть резонный вопрос: в силу каких причин постсоветский человек должен воспринять именно неоязыческие имиджи? На что должны быть направлены его мысли, чтобы эти имиджи органично влились в его сознание и повлияли на его мировоззрение? Например, вряд ли лозунг: «слава богам и предкам нашим» — заинтересует антифашиста или либерала.

Ответом на этот вопрос является сама книга. Нетрудно выяснить к кому она обращена, достаточно вновь вернуться к пятой главе и внимательно посмотреть, где та спорная территория, за которую сражается с неоязычниками М. Н. Кузнецов. Неоязычники обвиняют христианство в том, что это

рабская религия — в ответ приводится цитата из Иоанна Златоуста о том, что христианин может «освятить руку свою ударом» об богохульника [4, с. 140–141]. Неоязычники называют православие «еврейской религией» — в ответ им приводятся цитаты из святых отцов с обвинениями в адрес иудеев [4, с. 143–148]. «Родноверы» обвиняют христиан в сексуальных перверсиях — это они просто не читали, как развлекались язычники-Русы в походе на Бердаа [4, с. 94]. Почему выбрана именно такая стратегия защиты христианства? Что, в сущности, плохого в еврейском происхождении этой религии? И что плохого в том, что новозаветная мораль (в отличие от некоторых высказываний святых отцов Церкви) однозначно осуждает всякое насилие? Ответ прост — книга адресована националистам.

Националисты — и есть та аудитория, за которую ведётся борьба в этой книге? Как так получилось? Неужели автор сознательно сосредоточился именно на них? Конечно, стиль книги и её направленность были predeterminedены её жанром, жанром апологии. Список неоязыческих мифов, которые автор стремится развенчать, — это список претензий со стороны ультраправых неоязычников, с которыми он имеет дело, возникший уже давно: ещё в публикациях первых неоязыческих авторов времен 70-х — 80-х гг. XX в. Если не все, то большая часть критикуемых М. Н. Кузнецовым мифов были сформулированы В. Н. Емельяновым, А. Добровольским и А. И. Ивановым (Скуратовым). Важно помнить, из какой среды вышли эти люди, кем они были, прежде чем началась их идеологическая борьба с христианством. В церковной среде ещё с конца XIX в. распространялись антисемитизм и конспирология, связанные с трудами духовного писателя С. А. Нилуса, впервые опубликовавшего поддельные «Протоколы сионских мудрецов». Что показательно, на «Протоколы» опираются в своём мировоззрении и Емельянов [9, с. 110], и Иванов [3], и Добровольский [8, с. 182]. Добровольский, по имеющимся данным, был когда-то крещён священником Г. Якуниным и увлекался православием [7, с. 30]. Да и вкусы Емельянова до его прихода к неоязычеству угадать не трудно, достаточно вспомнить, что эпиграф в его книге «Десионизация» был взят из творчества православного философа-традиционалиста К. Н. Леонтьева, хотя автор книги и попенял ему за его христианство, не позволившее Леонтьеву понять деструктивность религиозной реформы князя Владимира в 988 г., когда «самый крупный автохтонный народ Европы был поставлен на рельсы массового тиражирования иудефильства» [2, с. 7–9]. Таков был культурный капитал творцов русского неоязычества — они были выходцами из ультраконсервативной православной среды, которые просто довели некоторые аспекты своей идеологии, в первую очередь антисемитизм, до возможного предела, практически до абсурда. Поэтому, когда ненависть к евреям оказалась для них важнее, чем христианская религия, они легко отказались от последней, и провозгласили возврат к язычеству. В сущности, в отказе от христианства заключается вся разница между первыми неоязычниками и церковными ультраконсерваторами. В свете этого крайне странной выглядит попытка М. Н. Кузнецова (с. 22–23) отстоять «православность» журнала «Вече», если вспомнить, что именно там опубликовал свои «Критические замечания русского человека о патристическом журнале “Вече”» В. Н. Емельянов, после чего журнал закрыли, а В. Н. Осипов попал в тюрьму [9, с. 95]. А. И. Иванов был одним из авторов журнала «Вече». Первичный набор ценностей «патриархов» русского неоязычества нетрудно соотнести и с ценностями православных националистов: культ силы, защита Родины, гомофобия, подозрительность в отношении иудеев, склонность к конспирологии, постоянное обращение к истории, традиционализм. Работа М. Н. Кузнецова — это попытка отстоять суверенное право православных националистов быть поборниками этих ценностей. В похожем ключе была выполнена брошюра священника Г. Максимова, в которой делались недвусмысленные намёки на западное и еврейское влияние в неоязычестве [5, с. 54–55].

Не случайно даже в самом названии книги М. Н. Кузнецова есть определённая неточность — она вся посвящена русскому неоязычеству, но в названии значится более этнически-нейтральный термин «российское», хотя в России есть и иные неоязыческие течения — финно-угорские, скандинавские, неиндуистские, космополитические. Нелюбовь русских националистов к идее российской нации и слову «россиянин» является притчей во языцех. Оказавшись на одной позиции политического спектра, но будучи теперь, *de facto*, двумя разными идеологическими течениями, неоязычники и православные ультраконсерваторы начали борьбу за место «истинных» защитников интересов русской нации. В этом видится основная причина столь жёстких выпадов соперников друг против друга, при явном совпадении для обоих лагерей их основополагающих ценностей. Отсюда вытекает неспособность некоторых конфессиональных авторов увидеть православные корни неоязычества, ведь их основная цель — показать насколько они разные.

Последний раздел пятой главы посвящён национальному вопросу. Почти полностью она состоит из цитат христианских святых и писателей, оправдывающих национализм, патриотизм, защиту своей страны, осуждающих толстовство. В самом конце автор выносит неоязычеству вердикт, опираясь на методологию Л. Н. Гумилёва и его ученика В. Л. Махнача. С его точки зрения, это типичная «антисистема», которой свойственно негативное мировосприятие и презрение к национальной традиции [4, с. 168–169]. Лишний раз обсуждать научный статус теории Гумилёва здесь не имеет смысла, важнее упомянуть кое о чём другом. Ещё в 2006 году ныне покойный Н. Н. Сперанский (волхв Велимир) сделал абсолютно идентичный выпад в сторону христианства, назвав его антисистемой и обосновывая это той же самой теорией Гумилёва [1, с. 435]. Удивительно, что М. Н. Кузнецов, после вполне обоснованного разбора неоязыческих исторических мифов, обратился именно к этой теории, которая сама по себе является своего рода «золотым стандартом» мифологизации истории и по многим пунктам совпадает с построениями таких популярных в неоязыческой и ультраправой среде авторов, как А. Розенберг, Г. Вирт и В. Н. Демин [6, с. 314]. Таким образом, даже инструменты в идеологической борьбе у неоязычников и их противников оказываются идентичными. И это объяснимо: ведь и те, и другие — примордиалисты, спокойно использующие устаревшие теории этноса в XXI в. Кажется, православный национализм может смотреть в неоязычество, словно в зеркало.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влх. Велимир. Русское язычество и шаманизм. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 608 с.
2. Емельянов В. Н. Десионизация. М.: Русская Правда, 2001. 240 с.
3. Иванов А. М. Христианская чума // URL: <https://velesova-sloboda.info/christ/ivanov-hristianskaya-chuma.html>
4. Кузнецов М. Н. Российское неоязычество. История, идеи и мифы. Рязань: Зёрна-Слово, 2018. 176 с.
5. Максимов Г. Православие и неоязычество: где правда? Специальный выпуск альманаха «Православие». М., 2014. 128 с.
6. Мосионжник Л. А. Технология исторического мифа. СПб.: Нестор-История, 2012. 404 с.
7. Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). Нижний Новгород: Типография «Поволжье», 2014. 311 с.
8. Шнирельман В. А. Рец.: Р. В. Шиженский. Философия доброй силы: Жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). Пенза: Научно-изд. центр «Социосфера», 2012. 218 с. // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 179–183.
9. Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2012. 302 с.

Поступила в редакцию 15.10.2018

Кутявин Никита Александрович, аспирант кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: nikitakutyavin@yandex.ru

N.A. Kutyavin

NEOPAGANISM IN ORTHODOX MIRROR

The article is a review of the book by M. N. Kuznetsov, dedicated to the history and ideology of the movement of Russian neopagans – "rodnovers". The analysis takes into consideration book's polemical focus and the possible influence of the author's confessional and political views on the results of his research. Based on the content of the book, conclusions are drawn about the supposed readership of the book, which can be based on Russian nationalists. The methodology of M.N. Kuznetsov reveals a clear affiliation of the book to the nationalist discourse and the influence of the primordialist theory of the ethnos by L.N. Gumilyov and his follower V.L. Makhnach, in particular of their concept of "anti-system". Despite the many fair conclusions, the author of the book ignores the connection between modern neopaganism and Orthodox nationalism, because he seeks to justify the sole right of Orthodox nationalists to advocate values common to right-wing radical discourse.

Keywords: neo-paganism, nationalism, traditionalism, confessional study of religion, instrumentalization of history.

REFERENCES

1. *Vlh. Velimir*. Russkoe yazychestvo i shamanizm [Russian Paganism and Shamanism]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2006, 608 p. (In Russian).
2. *Emel'yanov V. N.* Desionizaciya [Dezionization]. Moscow, Russkaya Pravda Publ., 2001, 119 p. (In Russian).
3. *Ivanov A. M.* Hristianskaya chuma [Christian Plague]. URL: <https://velesova-sloboda.info/christ/ivanov-hristianskaya-chuma.html> (In Russian).
4. *Kuznecov M. N.* Rossijskoe neoyazychestvo [Russian Neopaganism]. Istoriya, idei i mify [History, Ideas and Myths]. Ryazan', Zyorna-Slovo Publ., 2018, 176 p. (In Russian).
5. *Maksimov G.* Pravoslavie i neoyazychestvo: gde pravda? [Orthodoxy and Neopaganism: Where is the Truth?]. Special'nyj vypusk al'manaha "Pravoslavie" [Special Release of the Almanac "Orthodoxy"]. Moscow, 2014, 128 p. (In Russian).
6. *Mosionzhnik L. A.* Tekhnologiya istoricheskogo mifa [Technology of the Historical Myth]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, 404 p. (In Russian).
7. *Shizhenskij R. V.* Filosofiya dobroj sily: zhizn' i tvorchestvo Dobroslava (A. A. Dobrovol'skogo) [Philosophy of the Good Power: Life and Work of Dobroslav (A. A. Dobrovolsky)]. Nizhnij Novgorod, "Povolzh'e" Print. House, 2014, 311 p. (In Russian).
8. *Shnirel'man V. A.* Rec.: R. V. Shizhenskij [Rev.: R. V. Shizhensky]. Filosofiya dobroj sily: Zhizn' i tvorchestvo Dobroslava (A. A. Dobrovol'skogo) [Philosophy of the Good Power: Life and Work of Dobroslav (A. A. Dobrovolsky)]. Penza, Nauchno-izd. centr "Sociosfera", 2012, 218 s. Ehtnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review], 2013, no. 5, pp. 179–183. (In Russian).
9. *Shnirel'man V. A.* Russkoe rodnoverie: neoyazychestvo i nacionalizm v sovremennoj Rossii [Russian Rodnoverie: Neopaganism and Nationalism in Contemporary Russia]. Moscow, BBI Publ., 2012, 302 p. (In Russian).

Received 15.10.2018

Kutyavin N. A., postgraduate Student at the Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: nikitakutyavin@yandex.ru